

Андрей Ганин

КРОВАВЫЕ УРОКИ ШЕСТНАДЦАТОГО ГОДА. ВОССТАНИЕ 1916 г. В СЕМИРЕЧЕНСКОЙ ОБЛАСТИ¹

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена этническому аспекту восстания мепстных народов Средней Азии в 1916 г. Автор призывает отказаться как от официального советского, классового взгляда на причины восстания, так и от установившегося в постсоветские годы в национальных историографиях взгляда на это восстание как на национально-освободительное движение. Автор подчеркивает преимущественно антирусский, этнический характер выступлений, принявший в большинстве районов восстания характер этнических чисток.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Средняя Азия; Туркестан; Семиречье; этнические чистки.

Столетие восстания 1916 г. в Туркестане и рост общественного интереса к этой теме на постсоветском пространстве требуют всестороннего осмысления причин и хода тех трагических и по-прежнему болезненных событий. Межэтнические и межконфессиональные отношения всегда отличались значительной сложностью и неоднозначностью. Подходить к изучению этих сюжетов необходимо деликатно и объективно, без гнева и пристрастия.

К сожалению, историография вопроса дает мало примеров подлинно объективного подхода к освящению истории восстания. До революции события 1916 г. именовались бунтом, мятежом, а в советский период – восстанием (разница в терминах носит почти исключительно эмоциональный, а не рациональный характер). Советские историки оценивали восстание как акт национально-освободительной борьбы народов Средней Азии и Казахстана против царизма². Похожие оценки с особым упором на колониальную сущность политики России в регионе присутствуют и в современной историографии национальных государств³.

Советские историки доходили порой до далеких от реальности концепций. Так, Г.И. Бройдо утверждал, что власть спровоцировала мятеж, чтобы уничтожить местный человеческий материал и расчистить земли для колонизации, что якобы это был «дьявольский провокационный план с мобилизацией, чтобы добиться восстания»⁴. По мнению П.Г. Галузо и Ф. Божко, в 1916 г. произошла крупнейшая крестьянская колониальная революция эпохи кризиса империализма⁵. Писали и о феодально-империалистической эксплуатации окраин⁶, и о многом другом, забывая об усилиях России по освоению этого отсталого региона, и о многочисленных льготах, которыми пользовалось коренное население Туркестана.

К сожалению, даже при подготовке документальных публикаций, где, казалось бы, нет места искажению прошлого, практиковался произвольный отбор документов, что создавало далекую от действительной картину событий. Участники восстания представлялись в качестве трудящихся, восстание которых беспощадно подавляли «реакционные царские генералы». Жестокости восставших, как правило, замалчивались. Ярким примером такого подхода стал сборник документов «Восстание 1916 года в Киргизстане»⁷.

В фундаментальной работе Х.Т. Турсунова основной упор сделан на изображение народов Средней Азии как угнетенных, а правительственной политики в Средней Азии как безудержной эксплуатации. Российская империя оценивалась не иначе как «тюрьма народов», а восстание являлось как бы само собой разумеющимся следствием сложившейся ситуации. Подтекст его, по Х.Т. Турсунову, прежде всего, социально-экономический, а не какой-либо еще. Турсунов любыми способами пытался оправдать мятежников. Невозможно всерьез воспринимать утверждения, что русский рабочий класс не присоединился к восставшим только из-за стихийности и разрозненности выступления⁸. Автор проигнорировал тот неудобный факт, что на стороне мятежников, за исключением нескольких человек, русских не было вообще (старательно разыскивавшие подобные факты советские авторы насчитали лишь восемь перебежчиков⁹). Х.Т. Турсунов и другие среднеазиатские советские историки стремились скрыть этноконфессиональную основу событий 1916 г., иначе восстание невозможно было бы квалифицировать как прогрессивное. Не акцентировалось внимание и на зверствах восставших, поскольку считать резню прогрессивной еще сложнее.

Идея дифференцированного подхода к событиям 1916 г. в разных регионах, которой придерживался Х.Т. Турсунов и некоторые другие историки, также являлась лишь попыткой оправдать мятежников, оценив события в регионах с большим количеством жертв среди русского населения, в том числе убитых с особой жестокостью (Семиреченская и Самаркандская области) как реакционные, а в других регионах, где число замученных русских в силу разных причин было не столь велико (например, Тургайская область, в южных уездах которой вообще не было русских поселков) и могло быть недобросовестными исследователями скрыто, - как прогрессивные. В таком ключе был подготовлен основополагающий сборник документов по этой теме со значительными купюрами в документах в отношении насилий против русского населения¹⁰. Показательно, что 79 из 358 примечаний сборника (почти четверть от общего

числа) повторяли однотипные указания на реакционный характер восстания в некоторых регионах.

Если обратиться к программе КПСС, то можно обнаружить небезынтересные для понимания того, с каких позиций эта тема преподносилась советскими историками, положения. В частности, отмечалось, что национализм угнетенных наций в отличие от национализма угнетающих наций имеет общедемократическое содержание.

Советские историки, освещавшие события 1916 г., по существу сами себя обличали. В прошлом видные политические деятели М. Чокаев и А.-З. Валидов в эмиграции писали об антирусском характере восстания и о том, что оно предшествовало басмачеству. В ответ в СССР вышел целый список монографий, направленных на обличение подобной точки зрения¹¹. Сам факт их массового одновременного выпуска не может не навести на мысль, что этого неудобного, но обоснованного взгляда опасались.

После 1991 г. отечественные авторы за редким исключением почти не касались этой темы, видимо, полагая, что с распадом СССР данная проблематика к истории России перестала иметь отношение. Однако до сих пор в отдельных работах приводятся традиционные советские трактовки, а восставшие идеализируются и героизируются¹². Показательно, что с 1991 г. практически никто из исследователей не обращался к архивным документам по теме, а оценки сводились, в основном, к тому, что призыв населения Туркестана на тыловые работы являлся бюрократической глупостью или даже сознательной провокацией.

По мнению одного из авторов, «среднеазиатская “русифобия” была столь же ожесточенной, сколь и преходящей, ибо в ее основе лежала не осознанная социокультурная несовместимость, а психопатология отщепенческих групп различных этносов»¹³. Учитывая масштабность восстания и вовлечение в него значительных масс туземного населения, едва ли можно согласиться с подобной точкой зрения. Нельзя согласиться и с тем, что на подавлениях особенно усердствовали казаки и местные «маргиналы-босяки», якобы намеревавшиеся согнать кочевое население с их земель¹⁴. Казачество не нуждалось в подобном расширении своей территории (очевидно, речь о граничивших со степью Астраханском, Уральском, Оренбургском, Сибирском и Семиреченском войсках), тем более что земли, на которых проживало кочевое население, были огромны и для расширения войсковых территорий, если бы это действительно было необходимо, вовсе не требовалось сгонять степных соседей с их мест проживания. Решения о любых территориальных изменениях принимались в столице, а земельный вопрос в отношении казачьих войск всегда был предметом особого внимания со стороны властей. Утверждения про «маргиналов-босяков» также сомнительны. Скорее всего, имеются в виду события в Семиречье, но сложившаяся там ситуация может квалифицироваться, прежде всего, как самозащита русского населения от поголовного уничтожения.

В.П. Буддаков справедливо акцентирует внимание на том, что восстание имело помимо конфликта власть - туземное население и еще один конфликт - стольщинские переселенцы - туземное население¹⁵. При этом, по мнению Буддакова, ответственность за эскалацию насилия лежит на русских пересе-

ленцах и местной администрации. Более обоснованной представляется иная точка зрения о том, что в Средней Азии так называемый рост национального самосознания с начала XX в. нашел свое выражение, в первую очередь, в резком усилении русофобских настроений, даже в районах, где переселенцев и русского населения практически не было (например, в Бухарском эмирате). Кроме того, широкое распространение получили идеи панисламизма¹⁶.

Отдельные авторы из национальных государств, продолжая пользоваться советскими клише, утверждают, что восстание 1916 г. было «национально-освободительной войной колониального Востока против империи», которая по своим масштабам якобы превосходила национально-освободительные войны в Юго-Восточной и Центральной Азии¹⁷.

К сожалению, современные конструкторы национальных идентичностей нередко пытаются использовать трагические события вековой давности в политических целях, определяя виновных и жертв. Приоритет отдается не научному поиску и осмыслению, а разжиганию примитивной русофобии. Подлинные события для достижения нужного эффекта искажаются или замалчиваются, а вина за все возлагается на Россию.

В частности, бывший заместитель главы временного правительства Кыргызстана А.А. Бекназаров летом 2015 г. подготовил обращение к президентам пяти постсоветских республик: России, Кыргызстана, Казахстана, Узбекистана и Таджикистана. Оценки, содержащиеся в документе, несмотря на внутренние противоречия и фактические неточности, повторяют советские и постсоветские националистические клише – Средняя Азия была колонией, население которой якобы оказалось под жесточайшим двойным гнетом царизма и местных феодалов.

Несмотря на то что в годы Первой мировой войны коренное население региона было освобождено от призыва, не погибло на фронтах и не гнило в окопах, а могло заниматься хозяйственной деятельностью, делается акцент на тяжести налогового бремени для жителей Средней Азии. Это же преподносится в качестве причины восстания. Причины ожесточения русских жителей Семиречья, связанные с волной бесчинств и, по сути, этническими чистками со стороны восставших в отношении гражданского населения, замалчиваются. В то же время всячески раздуваются жестокости властей и русских поселенцев (к примеру, самосуды русского населения в районе Беловодска 13 августа 1916 г. представлены не как два события, а как четыре).

Восстание в тылу воюющей страны показано не как преступный и опасный в военное время, а равно и бессмысленный антигосударственный мятеж, отвлекавший существенные силы на свое подавление, а как героическая страница прошлого. Хотя, думается, героизма в зверских истязаниях и убийствах женщин, детей и стариков немного. О подстрекательстве внешних сил также не упоминается. Не высказано даже тени сомнения в допустимости и адекватности подобной реакции на призыв на тыловые работы, когда все усилия страны были направлены на победу в тяжелейшей борьбе с внешним врагом. На основе демагогических заявлений такого известного представителя социалистического лагеря, как А.Ф. Керенский, занимавшегося дискредитацией императорской власти, говорится о поголовном уничтожении туземного на-

селения Семиречья, что не имеет ничего общего с действительностью. Убедительных доказательств избыточной жестокости властей не приведено, но в жертвы царского режима включены косвенные потери киргизов, добровольно ушедших в Китай с награбленным, равно как и потери в боях, что не относится к проявлениям террора, поскольку в боях потери несли обе стороны. Отнесены сюда и жертвы самосудов русского населения, отнюдь не поощрявшихся властями. А.А. Бекназаров подводит читателей к мысли о том, что события 1916 г. были геноцидом киргизского народа, «варварским истреблением». Далее автор документа признает, что никаких точных данных о жертвах среди коренного населения не существует, однако очевидное противоречие его не смущает. Факты оказания властями материальной помощи пострадавшим от восстания, включая киргизов, также замалчиваются.

Тенденциозному освещению сложных и трагических исторических событий можно противопоставить только детальное академическое освещение той драмы, которая развернулась в Семиреченской области летом – осенью 1916 г.¹⁸

Как отмечал один из современников, «об этом восстании в России знали очень немногие, т.к. правительством были приняты меры к тому, чтобы местность, где было восстание, была изолирована от прочих частей империи. Эта задача удалась блестяще и не только массы в России, но даже представители гражданской и военной власти не знали о происходящем в Туркестане. Если бы я не был свидетелем этих событий, то считал бы чудом рассказ о нем»¹⁹. Особенно ожесточенный характер восстание приобрело в Семиречье. Такие особенности событий именно в этом регионе требуют объяснения и заслуживают самого тщательного анализа с опорой на всю полноту архивных документов.

Присоединение Средней Азии к Российской империи привело к существенным положительным изменениям в жизни коренного населения региона. Регион вошел в состав государства, стоявшего на несопоставимом с ним уровне социально-экономического и культурного развития. Распространение общероссийских стандартов на регион вылилось в колоссальный модернизационный скачок, который в иных условиях занял бы столетия. В результате установления мира и порядка, обустройства региона, распространения государственного медицинского обслуживания и борьбы с эпидемиями значительно сократилась смертность, в Туркестане произошел демографический взрыв. С середины XIX в. по 1916 г. численность населения возросла с 4 до 7,5 млн человек. Стало распространяться образование. Регион охватила сеть железных дорог. Появились телеграф, почта, оросительные каналы, промышленность (прежде всего, хлопководство), банки. Все это привело к улучшению экономических показателей, стимулировало преодоление вековой отсталости. При этом русская администрация с уважением относилась к традициям и обычаям коренного населения. Более того, важнейшую роль в системе управления регионом играла туземная администрация, формировавшаяся из представителей коренного населения. Разумеется, радикальные изменения воспринимались традиционным обществом неоднозначно, влияли на сознание и жизненный уклад, а порой порождали недовольство.

Вхождение Туркестана в состав Российской империи отразилось и на структуре местного населения. Так, киргизское²⁰ население веками существовало при родовом строе, при котором старшему в роду подчинялись беспрекословно. Нарезка волостей и введение волостного управления привели к переменам. Внутри родов началась борьба за власть, за должности старшин, судей. При этом неизбежно упал авторитет старших в роду, но возросло влияние богатых или тех, кто подчинял себе окружающих силой. Волостными управителями, в основном, становились представители туземной родовой аристократии – манапы. Волостная администрация из местного населения широко пользовалась своими полномочиями в целях личного обогащения. Так, кибиточная и другие подати и повинности взимались с жителей в двойном или тройном размере по сравнению с тем, что было установлено государством²¹.

Власть манапов по сути была неограниченной, вплоть до убийства нежелательных им лиц. Возможность держать население под тяжелым гнетом связана с низким уровнем развития киргизского общества, где практически не существовало образованных людей. Любые перемены в подобном общественном устройстве (например, пребывание в русской армии, знакомство с иной культурной средой) были чреваты утратой манапами власти. Разумеется, это обусловило их активную роль в организации беспорядков. Осложняла ситуацию коррупция местных русских властей²². Сами восставшие в 1917 г. дали следующую оценку причин событий: «Беспорядки эти возникли на почве национальной неприязни русского населения с киргизами, поддерживавшейся при старом правительстве и явились результатом беспорядочного к нам отношения местной администрации, из коих некоторые уже привлечены к ответственности даже старым правительством. Вовлекшая в эти беспорядки массу мирных киргиз группа манапов уже понесла заслуженное наказание»²³.

На октябрь 1916 г. православных в Туркестане насчитывалось 516 385 человек, или около 9% населения, включая 266 690 в Семиреченской области, 147 533 в Сырдарьинской области, 40 716 в Закаспийской области, 35 694 в Ферганской области и 25 752 в Самаркандской области²⁴. По статистике, туземного населения было 3 332 200 душ мужского пола (всего – около 7 млн человек обоего пола).

Семиреченская область включала Верненский, Джаркентский, Копальский, Лепсинский, Пишпеский и Пржевальский уезды. Административным центром был город Верный. В период проведения Столыпинской аграрной реформы Семиреченская область была открыта для переселенцев. Переселенцы, общей численностью 51 382 человека (к 1 января 1916 г.), образовали в Семиречье 223 селения из 16 409 дворов²⁵. Переселенцы были безоружны и не воинственны. Однако, как говорил военный губернатор Сырдарьинской области генерал Н.И. Гродеков, «каждый новый русский поселок в Туркестане равносителен батальону русских войск»²⁶. По данным на 1916 г., в области проживали 1 362 000 человек, в том числе 129 200 человек городского населения²⁷. Православное население, по этим данным, существенно отличалось от приведенных ранее и составляло 9,76% (самый высокий процент среди областей Туркестана), или около 133 тыс. человек, мусульманское – 90,18%²⁸. Мусульмане, в основном, вели кочевой образ жизни.

Тяжелейшая для страны Первая мировая война потребовала напряжения всех ресурсов империи. Коренное население окраин пользовалось освобождением от военной службы. Освобождены от воинской повинности были порядка 7 млн человек, включая 114 тыс. душ мужского пола русского населения: русские жители Туркестанского края, Камчатской и Сахалинской областей, северных уездов Енисейской, Томской, Тобольской губерний и Якутской области, граждане Великого княжества Финляндского, инородческое население Сибири, Туркестана, Кавказа (только мусульмане), Астраханской, Ставропольской губерний, самоеды Мезенского и Печорского уездов Архангельской губернии²⁹. Среди проработавшихся уже в 1914 г. вопросов был вопрос привлечения их к воинской повинности. Впрочем, решение на этот счет принято не было.

25 июня 1916 г. император Николай II подписал Высочайшее повеление о привлечении мужского инородческого населения империи в возрасте от 19 до 43 лет для работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии. Дальнейшее развитие событий показало ошибочность этой меры, особенно в разгар летних сельскохозяйственных и заготовительных работ (хлопок, сено). В сравнении с положением христианских подданных империи бремя, возлагавшееся на инородцев, было сравнительно легким, однако следует учитывать, что туземное население ранее не отбывало воинскую повинность, и даже трудовая мобилизация его поразила. Слухи о подготовке мобилизации туземцев, причем не на работы, а на фронт, циркулировали в населении еще с начала июня, о чем свидетельствуют документы МВД³⁰.

В тот же день (25 июня) состоялось заседание Особого совещания при военном губернаторе Туркестана по этому вопросу. 8 июля был издан приказ по Туркестанскому краю о мобилизации. Прежде всего, мобилизовалась первая очередь (от 19 до 31 года). Мобилизации на тыловые работы за некоторым исключением подлежали инородцы Сибири, Степного края (Казахстан), Туркестана и Кавказа³¹. Решительный вооруженный протест против этой меры возник только в Степном крае и Туркестане. Были волнения и в других регионах (например, в Томской губернии³²), но ни масштабностью, ни активностью протеста они не отличались. Волнения начались уже в начале июля после объявления указа. Разумеется, недовольство местного населения русской администрацией существовало и ранее. Оно базировалось как на произволе властей, так и на хитросплетении национального, религиозного и экономического факторов.

Нельзя полностью исключать возможности участия в подготовке восстания германских и турецких агентов. Несмотря на войну, германо-турецкая агентура действовала в пограничных с Туркестаном регионах. В 1915-1916 гг. в Афганистане и Персии находилась миссия германских капитанов О. фон Нидермайера и В.О. фон Хентига с несколькими десятками офицеров. 21 мая 1916 г. разведчики покинули Кабул: Нидермайер отправился в Персию и далее в Турцию, а Хентиг - на Памир и в Китай³³. Германские агенты могли быть и среди военнопленных, направлявшихся в Туркестан. Немцы всерьез рассматривали возможность военного вторжения через Закаспий в Хиву и Бухару и поднятия восстания в Туркестане с опорой на десятки тысяч содержащихся там австро-германских военнопленных³⁴.

На тыловые работы предполагалось призвать 8% туземного населения. Первоначальная и последующие разверстки призывного контингента по Туркестану различались. Было решено сократить число призывников в Ферганской области, оставив рабочие руки для уборки хлопка, по этой причине, не сокращая общее количество мобилизуемых, была усилена нагрузка на другие регионы, затем, с учетом силы протеста местного населения властям пришлось уже пойти на сокращение наряда практически во всех областях:³⁵

Область Туркестана	Первоначальное число мобилизуемых	Промежуточное число мобилизуемых	Итоговое число мобилизуемых (на 23.08.1916)
Сырдарьинская	80 000	87 000	60 000
Ферганская	77 000	50 000	51 233
Семиреченская	43 000	60 000	43 000
Самаркандская	35 000	38 000	32 407
Закаспийская	15 000	15 000	13 830
Итого:	250 000	250 000	200 470

В Степном крае первоначально предполагалось призвать 230 тыс. человек. Наиболее сильным было увеличение наряда в Семиречье, где восстание приобрело самые жестокие формы. Русская администрация понимала моральную и фактическую тяжесть внезапного призыва. Тем более что должного информационного обеспечения предпринимаемой меры осуществлено не было, что породило слухи и кривотолки.

2 июля 1916 г. совещание при туркестанском генерал-губернаторе просило и.д. главного начальника края генерала от инфантерии М.Р. Ерофеева о сокращении наряда с 250 тыс. до 200 тыс. человек. Было принято решение о сокращении до 220 000 человек. Наконец, в августе состоялось сокращение до 200 тыс. человек. Необходимо отметить, что даже изначально категория лиц, не подлежавших призыву, была довольно обширной. От призыва освобождались дворяне, представители туземной (нерусской) администрации, духовенство, учителя и учащиеся средних и высших учебных заведений, фельдшеры, переводчики, оспопрививатели, писари, выборные лица, государственные служащие, табунщики и погонщики скота, нанятого по военно-конской повинности³⁶. При необходимости выдавались отсрочки от призыва. Работа инородцев должна была оплачиваться казной. Помимо казенного продовольствия рабочие получали жалование в размере 1 руб. в сутки. Лицам, не имевшим возможности отправиться на работы со своей одеждой и обувью, выдавалось пособие в размере до 30 руб.

Отношение туземного населения к службе в русской армии и к призыву на тыловые работы было различным. Например, населением Закаспийской области комплектовался Текинский конный полк, отлично зарекомендовавший себя в боях на Юго-Западном фронте. В 1914-1915 гг. некоторые коренные жители Семиреченской области добровольно изъявили желание пойти на

фронт³⁷. В Аулие-Атинском уезде Сырдарьинской области военно-инженерной организацией еще до объявления о мобилизации лета 1916 г. было набрано на тыловые работы около 10 тыс. человек³⁸.

Сложности начались уже при составлении посемейных списков, когда невозможно было точно определить примерный возраст призываемых, а богатые туземцы всеми способами стремились уклониться от призыва и избавиться от него заодно и своих родственников, что вызывало недовольство бедноты. Почти сразу повсеместно распространился слух о том, что призыв будет проводиться на фронт - туземцев заставят рыть окопы между двумя противоборствующими армиями и всех перебьют.

Местная власть проявила себя с худшей стороны. Запись возрастов велась произвольно, не было дифференцированного подхода к срокам призыва в зависимости от дальности расстояния до сборного пункта, положения указа не были разъяснены населению, прошел слух, что указ вообще является выдумкой местного начальства, а полуграмотные переводчики действительно давали повод считать, что готовится мобилизация на фронт³⁹. В Семиречье в июле 1916 г. распространялись нелепые слухи о том, что «русские хотят отобрать самый здоровый элемент мусульман, послать на театр военных действий на работы впереди русских солдат, где русские и германские войска их перебьют и, таким образом, будет достигнута задуманная русскими цель уничтожения мусульманства»⁴⁰. Степь заволновалась, а молодежь призывного возраста начала собираться в банды дезертиров. В связи с трудностью мобилизации ее срок был перенесен на 15 сентября, причем сам император посчитал ранее одобренную им меру по призыву инородцев необдуманной и поспешной⁴¹.

10 июля на собрании нескольких тысяч киргизов в урочище Уч-Кунор киргизы решили не подчиняться приказу. 13 июля началось бегство подлежащих призыву дунган в Западный Китай. Бежавшие угрозами пытались переманить к себе оставшихся соплеменников. Власти получили сведения об этом⁴² и предпринимали меры по недопущению перехода границы. Среди причин противодействия переходу первостепенное значение имела угроза международных осложнений, поскольку массовый переход границы неизбежно сопровождался бы грабежами и угоном скота у пограничного населения⁴³.

В разных районах Туркестана и Степного края недовольство местного населения имело различные причины⁴⁴. В Семиречье, которое активно осваивали русские переселенцы, наиболее выраженной была ненависть к ним, в том числе и в связи с земельным вопросом. В этом регионе проживало значительное количество русского населения. Однако войск, как и в других районах, было мало. В целом, в Семиречье большую отрицательную роль сыграла взаимная паника и самоорганизация с обеих сторон. Среди прочих причин - малочисленность русской администрации, полиции и войск при многочисленности административно ссыльных и военнопленных; злоупотребления; направление в Туркестан беженцев в плачевном состоянии. Свою роль в возникновении восстания сыграл элемент стихийности и случайности, психология толпы.

Постепенно туземное население стало переходить от пассивного к активному протесту, первоначально выразившемуся в требованиях выдачи посе-

мейных списков или попытках их уничтожения. В этих акциях участвовали огромные толпы местных жителей. Слабая и малочисленная русская администрация не могла эффективно бороться с массовыми беспорядками, происходившими к тому же на огромной территории.

17 июля Туркестанский военный округ был переведен на военное положение, туркестанским генерал-губернатором 22 июля назначен командующий Северным фронтом генерал-адъютант А.Н. Куропаткин – крупный военный деятель и администратор, блестящий знаток края и ветеран присоединения Туркестана к России. 26 июля императором Николаем II ему были предоставлены права главнокомандующего войсками Туркестанского военного округа⁴⁵. Не позднее 21 июля был принят план усиления гарнизонов сборных пунктов. Стало ясно, что для борьбы с начавшимися беспорядками местных сил недостаточно. Тогда по распоряжению военного министра в Туркестан были направлены 14,5 батальона, 33 сотни, 42 орудия и 69 пулеметов. В случае активного вооруженного сопротивления начальникам отрядов было разрешено применять любые меры, вплоть до расстрелов и уничтожения сопротивлявшихся аулов.

Не соответствует действительности утверждение советского историка П.Г. Галузо о том, что русские власти осуществляли целенаправленную политику вооружения переселенцев на случай восстания коренного населения. На самом деле количество оружия у переселенцев оставалось крайне незначительным. На 1912-1913 гг. на руках у переселенцев имелось только 1160 винтовок⁴⁶. В 1915 г. было проведено разоружение, и в действующую армию отправлено 7500 берданок. Переселенцы оказались беззащитными.

Уже 10 июля, через два дня после приказа о мобилизации, состоялось собрание киргизов Джаркентского уезда, вынесших решение не подчиняться этому приказу. 13 июля дунгане начали уходить в Западный Китай (Синьцзян). В ряде случаев властям при помощи казаков удавалось задержать киргизов. Такой случай зафиксирован в конце июля 1916 г. в районе пограничного населенного пункта Бахты Лепсинского уезда⁴⁷.

По состоянию на 27 июля 1916 г. в Семиреченской области находились три дружины Государственного ополчения (Верный, Джаркент, Копал), 3-й Семиреченский казачий полк (Джаркент, Нарын, Бахты), запасная сотня Семиреченского казачьего войска (Верный), три местных команды (Верный, Копал, Пишпек) и три караульных команды (Пишпек, Пржевальск, станица Сергиопольская)⁴⁸.

События нарастали лавинообразно. С конца июля начались нападения на представителей местной власти. Местных сил для ликвидации беспорядков явно не хватало. Вр.и.д. командующего войсками Туркестанского округа ходатайствовал перед Главным управлением Генерального штаба (ГУГШ) о призыве пяти младших возрастов казачьего ополчения Семиреченского войска и о формировании четырех ополченческих казачьих сотен на усиление гарнизонов в Верном, Копале и Лепсинске. Предложение это, однако, требовало издания Высочайшего манифеста, и более предпочтительным решением являлось формирование особых сотен из запасных казаков⁴⁹. 8 августа ГУГШ в Военный совет был спешно представлен проект формирования трех особых Семиреченских казачьих сотен.

ченских казачьих сотен для безотлагательного усиления правительственных войск в регионе, для чего требовались 9 офицеров, 342 строевых и 36 нестроевых казаков⁵⁰. Только 23 августа было получено согласие императора на призыв ополчения в Семиреченском войске для формирования четырех сотен⁵¹.

Другой инициативой туркестанских военных властей стало предложение сформировать в Семиреченской области Киргизский конный дивизион, за службу в котором давались бы земельные участки⁵². При обсуждении проекта делопроизводитель Азиатской части Главного штаба генерал-майор А.-А. А. Давлетшин высказал мнение, что наделение киргизов за службу земельными участками в пределах своих волостей «должно явиться с одной стороны наиболее действенным средством для поощрения киргиз к верной и ревностной службе, а, с другой – к улажению, хотя бы к частичному, острожного земельного вопроса среди киргизского населения»⁵³. Вместе с тем вопрос нуждался в согласовании с казачьим отделом Главного штаба, поскольку затрагивал интересы казачьего населения.

Пока в Петрограде согласовывали эти вопросы, обстановка накалялась. По данным на 6 августа, две волости Верненского уезда оказали вооруженное сопротивление помощнику уездного начальника, прибывшему в урочище Асы для составления списков рабочих⁵⁴. На следующий день выяснилось, что в районе станции Самс повстанцы перерезали телеграфное сообщение Семиречья с Ташкентом. Там же 2000 киргиз блокировали воинскую команду из 40 человек, команда сумела прорвать окружение без потерь, а восставшие потеряли до 12 человек убитыми⁵⁵. Кроме того, восстали киргизы рода Чапрашты⁵⁶.

Участились случаи нападений на русское гражданское население. В Ботпаевской волости были убиты несколько переселенческих топографов⁵⁷. В другом районе киргизы захватили в поле крестьянку с двумя детьми, ограбили и увели с собой чиновника Ефименко со спутницей⁵⁸. День ото дня донесения становились все тревожнее. По сведениям, к 9 августа беспорядки усилились – от Курдая до Верного были разгромлены почтовые станции. Некоторые русские селения оказались в окружении и подвергались разгрому, причем имелись убитые, раненые и захваченные. Восставшие угоняли домашний скот, прежде всего лошадей.

На усиление из Аулие-Аты на подводах направили роту, а из Ташкента отряд с артиллерией⁵⁹. Однако реакция властей явно запаздывала, тогда как темп событий нарастал. 2 августа было предложено для самозащиты русского населения в сельских районах организовывать дружины самообороны. 8 августа власти издали постановление об обязательном формировании таких дружин⁶⁰. Готовилась и оборона столицы Семиречья – города Верный, гарнизон которого был малочисленным. Для этого вызывались добровольцы из мещан. Были сформированы пешая (300 человек) и конная (100 человек) дружины, поставлено под ружье 160 казаков-семиреков запасного разряда, укомплектовавших две полусотни⁶¹. Население было вооружено из расчета винтовка на 8-12 дворов. Верный укреплялся также инженерными сооружениями, чем руководили квалифицированные военные инженеры.

6 августа восстали Атекинская и Батбаевская волости Пишпекского уезда, на следующий день Сарыбагишевская волость и Токмакский район. 9 августа

заполыхало в Каркечинской, Джумбальской, Курманжоджинской, Кочкорской и Абеильдинской волостях. В этот день киргизы напали на село Григорьевка, которое было сожжено и разграблено, а жители вынуждены бежать. Был испорчен телеграф. Во главе выступления в Чуйской долине стоял хан М. Шабданов. Другими отрядами командовали два его брата. Как и в других местах, движение в Семиречье возглавляла туземная родовая элита – ханы и манапы. Известны такие киргизские вожаки как К. Абукин, Б. Ногоев, К. Чинин. Восстание было сравнительно организованным: у аскеров имелись знамена, однообразные металлические бляхи, применялась оптическая сигнализация для передачи сведений о движении правительственных войск, в горных районах были оборудованы пороховые мастерские⁶². Антифеодальным это выступление не было – родоплеменные устои в туземном населении оставались незыблемыми. Вполне красноречиво об этом свидетельствует и то, что во всем Семиречье не был убит ни один волостной управитель или манап.

Киргизы были вооружены самым разнообразным оружием. Здесь и трофеи, захваченные у одиночных русских солдат, и самодельное оружие. 6-7 августа киргизам удалось захватить слабо охранявшийся транспорт с оружием, который следовал из верненского склада в Пржевальск для вооружения чинов местного конского запаса. Они завладели 170 берданками и 40 тыс. патронов⁶³. Погибли три нижних чина. Факт захвата сравнительно крупной по местным масштабам партии оружия явился мощным стимулом к активизации борьбы против русских. Большинство же повстанцев имело на вооружении кремневые и даже фитильные ружья, берданки, пики, топоры, насаженные на длинные палки. Манапы получали часть денег с продажи оружия, и, таким образом, боевые действия приносили им прибыль. В целом киргизы не выдерживали столкновения с регулярными войсками, несмотря на численное превосходство в десятки, а иногда и сотни раз.

К 10-11 августа восстание охватило три волости в районе Токмака, повстанцы перерезали телеграфную связь с Пишпеком, Пржевальском, Верным и Ташкентом, терроризировали русское население: грабили и громили дворы, убивали или захватывали жителей, насиловали женщин⁶⁴. В ответ в районе Пишпека русское население сформировало охранные дружины под командой эвакуированных с фронта унтер-офицеров⁶⁵. В Лепсинском и Джаркентском уездах кочевое население небольшими партиями уходило в Китай, причем китайцы снабжали джаркентских и лепсинских киргизов оружием⁶⁶. По линии военной цензуры были вскрыты факты подстрекательства со стороны китайцев к выступлению⁶⁷. Аналогичные сообщения поступали и от местных властей⁶⁸. На китайской границе велась сильная агитация среди киргизов, являвшихся подданными Китая, за выступление против России⁶⁹. Семиреченский военный губернатор генерал М.А. Фольбаум считал, что восстание инспирировано немцами из Кульджи (Западный Китай), а китайцы являлись лишь исполнителями⁷⁰.

10 августа взбунтовались киргизы Беловодского участка Пишпекского уезда, Джамансартовской, Глеубердинской, Бакинской и Талдыбулакской волостей. На следующий день восстали дунгане в селе Мариинском Пржевальского уезда. 11 августа дунгане перебили большинство крестьян села Иваницкого. Пе-

ребито население деревни Кольцовка. Уцелевшие жители спасались бегством в Пржевальск. 12 августа от рук киргизов погибли сразу два офицера – сотник Величко и прапорщик Киселев. Тела сотника Величко и семи казаков были обезображены⁷¹. «Смерть их [-] весьма темное дело, так как по доходившим до меня слухам, они с несколькими нижними чинами были брошены своими частями на произвол судьбы», – отметил в своем докладе заведующий розыскным пунктом в Верном и Семиреченской области⁷². Подавление восстания в Пржевальском уезде, окруженном горами, представляло особую сложность. В итоге весь уезд был практически уничтожен восставшими, уцелело только три села⁷³.

Беспорядки в Пишпекском уезде усиливали брожение в соседнем Верненском. Железнодорожные служащие и военнопленные бросали работу и в панике разбежались. Восстание настолько разрослось, что начались настоящие боевые действия с правительственными войсками. Так, около 10 августа начальник Пишпекского уезда подполковник Рымшевич с воинской командой оказался осажден аскерами в станице Самсоновской и провел в осаде несколько суток, после чего к 12 августа их освободил высланный из Верного конный отряд штабс-капитана Полторацкого с пулеметом.

По мнению Рымшевича, для эффективной борьбы со скопищами кочевников требовалось не менее двух батальонов, двух сотен и двух пулеметов. В противном случае власти могли утратить контроль над уездом. По сводкам, три скопища киргизов насчитывали по 10–20 тыс. человек каждое. Среди мятежников была масса прибывших из Ферганской области. Наблюдалась определенная организованность и координация действий между скопищами. По данным к 12 августа, в Джаркентском, Копальском и Лепсинском уездах массовых беспорядков не было, хотя наблюдалось брожение и участились случаи кражи скота, а в Копальском уезде произошло нападение на двух нижних чинов и угон казенных лошадей⁷⁴. Мятежные скопища появились на границе Семиреченской и Сырдарьинской областей в районе Пишпекского уезда. Столкновения начались и в районе Верного. Так, к востоку от города было отражено нападение, причем киргизы потеряли около 80 человек. Также сообщалось, что киргизы вытоптали посевы возле нескольких русских селений⁷⁵.

На границе Верненского и Пишпекского уездов Курдаисский отряд атаковало скопище киргизов, на вооружении которых имелись дробовики. Атаку удалось отразить без потерь. Правительственные войска восстановили телеграфное сообщение Пишпек – Токмак. В районе последнего также произошла стычка киргизов и конной команды из 40 нижних чинов при двух офицерах, двигавшейся на соединение с отрядом Рымшевича. Нападавшие были отброшены на 15 верст от Токмака, потеряв до 200 человек, со стороны правительственных войск погиб один казак, трое ранены⁷⁶. Убийства и истребления одиночных русских продолжались⁷⁷. По данным на 14 августа, были разграблены почтовые станции по правому берегу реки Нарын, убит пристав и его конвой, разгромлены населенные пункты Белоцарское и Столыпинское⁷⁸.

Интересно, что, по данным на 20 августа, киргизы Карабулакской волости не только сохранили верность властям, но и участвовали в эвакуации русского

населения через Боамское ущелье в селение Михайловское и защищали последнее⁷⁹. Село Ивановка к 16-17 августа находилось в осаде, треть села сгорела, был уничтожен мост. Киргизы вырезали селение Четмерке из 11 дворов⁸⁰. Под угрозой осады оказался и Пишпек. Сообщение с Пржевальском оказалось прервано на неделю. Киргизы сжигали почтовые станции, разрушали телеграфные линии⁸¹.

Фактически в Семиречье начался межэтнический и межконфессиональный конфликт. Положение русских жителей усугублялось в связи с отсутствием в регионе русского мужского населения, мобилизованного на фронт. Мощным катализатором взаимной ненависти стали слухи, многократно преувеличивавшие истинный масштаб событий. Среди причин беспорядков было стремление киргизов грабить русских, поземельные споры в связи с активной переселенческой политикой в регионе, налоговое бремя. Активную пропаганду вели муллы. В документах упоминалось об участии в подготовке восстания германских офицеров. В Пржевальском уезде к этим причинам добавлялся и религиозный фанатизм кочевого населения.

Первоначально киргизы уничтожали только сопротивлявшихся им, однако вскоре стали уничтожать русских вообще. Свое выступление они воспринимали как священную войну против «кяфиров» (неверных). По мусульманской традиции убитые попадали в рай. Никаких моральных ограничений для кочевников не существовало.

Распределение жертв по уездам в соответствии с имеющимися неполными данными было следующим: Пишпекский уезд - убиты 98 человек, пропали без вести - 65. Пржевальский уезд (здесь почти не было русских войск) - убиты 2179 человек, пропали без вести - 1299, Джаркентский уезд - убиты 32 человека, без вести пропали 20, Верненский уезд - убиты 16 человек⁸². Убиты два чиновника, 12 чинов разных ведомств, три офицера, 53 нижних чина, 41 ранен, 75 нижних чинов пропали без вести. Случаев массовой гибели солдат и офицеров было несколько: в Нарынском уезде погибли прапорщик с девятью казаками и восемью солдатами; в осажденном киргизами селе Каркара Джаркентского уезда по данным к 16 августа 1916 г. погибли 24 казака отряда нарынкольско-чарынского участкового начальника ротмистра М. Кравченко и шесть казаков погибли в окрестностях Джаланаша.

Среди убитых были семь монахов и послушников Иссык-Кульского монастыря⁸³. Священник И. Роик был уведен в горы и убит за несогласие принять ислам, его жена и дочь изнасилованы⁸⁴. Известны факты зверского уничтожения грудных детей, которых просто разрывали пополам. Дикая расправа произошла 13 августа с 9 до 11 часов утра с беззащитными учащимися Пржевальской сельскохозяйственной школы, подвергшейся нападению кочевников. «Кроме служащих школы, там собрались жители села Высокого; большинство из них было перебито самым жестоким образом, а часть молодых женщин и девушек уведена в плен»⁸⁵. Были убиты управляющий школой, учителя, эконом и четыре ученика. Как сообщал свидетель И.А. Поцелуев, «мне рассказывали несколько случаев очевидцы, что дунгане девочек-подростков разрывали на две части, наступив на одну ногу, за другую тянут кверху, пока жертва не разделится на две половины»⁸⁶.

В отчете о состоянии Туркестанской епархии за 1916 г. приведено свидетельство настоятеля Покровского прихода Е. Малаховского, который отмечал, что 14 августа по дороге в Пржевальск «на пути стало попадаться много изуродованных убитых трупов русских людей, как взрослых, так и детей.

Целую книгу можно написать о зверствах киргиз. Времена Батыя, пожалуй, уступят... Достаточно того, что на дороге попадались трупы 10-ти летних изнасилованных девочек с вытянутыми и вырезанными внутренностями. Детей разбивали о камни, разрывали, насаживали на пики и вертели. Более взрослых клали в ряды и топтали лошадьми. Если вообще страшна смерть, то подобная смерть еще страшнее. Жутко становилось при виде всего этого»⁸⁷.

Столкновения происходили и возле селения Самсоновка в районе Токмака. Современник писал: «На лужайке в Самсоновке, внутри маленькой ограды расположены могилы русских, убитых во время восстания, среди них одна могила молодой и красивой девушки и студента, с таким же именем, как у меня. Они находились в ботанической экспедиции в горах, когда появился киргизский отряд. Спутники этих молодых людей торопили их садиться верхом и скакать как можно быстрее, но девушка оказалась слишком медлительной, собирая свои вещи и коллекции. Молодой студент, как галантный джентльмен, отказался бросить ее, и они оба были убиты мятежниками»⁸⁸.

В сельских районах киргизы безжалостно и бессмысленно истребляли русскоязычную интеллигенцию. В селе Иваницком был убит пржевальский участковый врач Левин, вырезана партия инженера Васильева, многие учителя и члены их семей. Начальник туркестанского управления земледелия и государственных имуществ телеграфировал министру 18 августа 1916 г.: «Получены сведения [о] гибели технической партии железной дороги или нашего министерства численностью»⁸⁹ сорок человек. [По] всем данным число жертв весьма значительно»⁹⁰. Киргизам практиковались такие зверства как отрубание русским мужчинам половых органов, женщинам - груди; отрезание ушей, выкалывание глаз⁹¹. Истязания обычно предшествовали убийству несчастных жертв.

Русское население опасалось выезжать за пределы городов. Нередко по этой причине без помощи оставались сельские жители. Жители мелких поселков из страха переселялись в более крупные, бросали полевые работы, уезжали в города. Киргизы же травили скотом посевы и покосы крестьян⁹². Отряд войскового старшины Бычкова между Верным и Пржевальском «видел много жертв мятежа... Врач верненской городской больницы, лечившийся на Иссык-Куле, убит со старшей дочерью, также убита жена зубного врача Благер с сыном»⁹³. Станции все разорены»⁹⁴. Был разорен Иссык-Кульский монастырь. Всего, по данным переселенческой организации, в районе озера Иссык-Куль из столыпинских переселенцев убиты 1803 человека, пропали без вести 1212 человека⁹⁵. Больше других пострадали селения по южному берегу озера. Вследствие неразвитости восставших 10 августа ими была уничтожена гидрометеорологическая станция на реке Джумгаль, служащие частью убиты, частью пленены»⁹⁶.

8 августа в Ташкент прибыл генерал А.Н. Куропаткин. Знание Куропаткиным Туркестана было таково, что он иногда даже справедливо поправлял местных чиновников, готовивших доклады о положении региона. Военному

министру Д.С. Шуваеву 18 августа 1916 г. Куропаткин писал о местном населении: «За период в 40 лет мы не приблизили к себе сердца этих простых, но еще первобытных людей»⁹⁷.

Куропаткин отрицательно относился к призыву на тыловые работы, но в сложившейся обстановке пути назад были отрезаны и оставалось лишь решительно подавить восстание. Именно в таком духе был настроен опытный генерал, предложивший представителям власти искать примеры в действиях генерала Г.А. Колпаковского, внесшего в XIX в. большой вклад в присоединение Семиречья к России.

3 сентября 1916 г. Куропаткин записал в дневнике: «В Семир[еченской] области киргизское население трех южных уездов восстало. Приходится направлять туда значительные силы и просил присылки двух казачьих полков, что и исполнено.

Многие русские селения разгромлены, много жертв, разорение их полное. Особого вооруженного сопротивления еще не было оказано. Решительные действия начнутся на днях. Двинул войска как со стороны Ташкента, так и со стороны Ферганы. Постоянного числа войск в крае оставлено не было.

Пришлось послать часть дружин ополчения, часть рот запасных батальонов. Войска мало сплоченные, недостаточно дисциплинированные.

Уже при усмирении беспорядков в Джизакском уезде были справедливые жалобы на войска за излишнее разорение туземных жилищ, грабеж, лишние убийства. То же получается и при действиях в Семиречье. Но это, надеюсь, исключения. В общем, войска действуют самоотверженно. Без кадров, без организации, с[о] случайными перевозочными средствами переваливают снеговые горы, делают по равнине до 70 верст в сутки. Затрудняется усмирение огромными пространствами, разбросанностью, беззащитностью селений с русским населением. Мы сделали роковую ошибку, давшую киргизам надежду на легкую добычу: отобрали для отправки в действующую армию у русского населения 7500 бердановских ружей.

Фольбаум, в общем, действует самостоятельно и энергично, но слишком медлит нанесением удара главным скопищам. Не нравится мне отбитие нами большого количества скота: 300 коров, 10 т[ысяч] баранов, 2000 лошадей – совершенно и без боя. Возможно, что отобрали у киргиз мирных. Озлобление между русским и киргизским населением растет. Киргизы допускали огромные жестокости. Русские не оставались в долгу.

Основная причина легкости, с которой восстали киргизы, лежит глубоко и кроется в нашей земельной политике по отношению к киргизам. Много лет подряд для образования “свободных земель” у киргиз отнимались их кочевые и, главное, зимовые стойбища. При отводе киргизам земель при переходе к оседлости закон разрешал отводить только пашни, а земли для выпаса скота и заготовки сена не отводил. В общем, выставка рабочих явилась толчком, а недовольство киргиз русским режимом росло давно»⁹⁸.

Военный губернатор генерал-лейтенант М.А. Фольбаум 10 августа просил прислать по четыре роты с артиллерией и конницей в каждый уезд области: «Положение внезапно может измениться так, что рухнет все русское дело в Семиречье», – пессимистически предрекал он⁹⁹.

Куропаткин ходатайствовал о присылке в Семиречье казачьей бригады, двух пулеметных команд и конной батареи из действующей армии, благо такое подкрепление не влияло на положение фронта, где конница большой роли не играла. Всего из других районов Туркестана в Семиречье было направлено 3,5 дружины, семь рот из запасных стрелковых полков, пять сотен, 14 орудий. Войска были высланы в трех направлениях: Андижан – Нарынское укрепление; Черняев – почтовый тракт Пишпек – Токмак и по железной дороге на Семипалатинск и далее на Сергиополь – Лепсинск – Верный. Действующая армия выделила два казачьих полка (7-й Оренбургский и 9-й Сибирский казачьи полки), казачью батарею и две пулеметных команды с пулеметами Кольта¹⁰⁰. 7-й Оренбургский казачий полк был направлен через Черняев, а 9-й Сибирский – через Семипалатинск на Верный.

По распоряжению Куропаткина Семиречье разделили на 17 военных участков, в пределах которых проводились подавления. С 11 августа при отрядах и в уездных городах Семиреченской области были учреждены военно-полевые суды. Власти начали брать ситуацию под контроль.

12 августа было принято решение об отправке в Семиречье отряда в составе 2-й роты 3-го Сибирского стрелкового запасного полка из Скобелева при четырёх пулеметах, команды сапер, телефонистов и телеграфистов, 80 конных разведчиков, 1-й сотни 6-го Оренбургского казачьего полка и двух орудий 20-й конно-горной батареи.

В обстановке нестабильности и паники население искало виновных. Такие были найдены в лице многочисленных представителей русской администрации, имевших германские корни¹⁰¹. Началась антинемецкая истерия. Как водится, в общественном мнении крайними оказались ни в чем не повинные люди.

В июле-августе 1916 г. в Семиречье сработал механизм этнической самомобилизации. Испуганное и возмущенное русское население ответило насилием на насилие. Помимо организации дружин самообороны, доведенные до отчаяния жители устроили в Пржевальске киргизский погром, в котором, в основном, участвовали женщины. 12 августа в тюрьме Пржевальска при попытке побега были расстреляны заключенные-киргизы. Тогда погибли около 80 человек.

По донесениям с мест, в «Беловодском участке русское население крайне озлоблено, вышло из повиновения пристава, уничтожает киргиз»¹⁰². В районе Беловодска 12 августа местная городская дружина захватила киргизов, которые убили шестерых крестьян-беженцев, изнасиловали женщин и выкололи детям глаза¹⁰³. Всего задержали 338 человек, 138 из которых отправили в пишпекскую тюрьму. Но во время перевода в тюрьму при попытке побега они были убиты дружинниками¹⁰⁴. Дружинники действовали в соответствии с уставом гарнизонной службы.

В селе Беловодское, где киргизами было убито много жителей, женщины уведены в плен, а дети замучены¹⁰⁵, в ночь на 13 августа местные русские крестьяне в ответ перебили 517 арестованных киргизов – участников восстания (по другим данным, это были китайцы-опийщики¹⁰⁶). «За отсутствием оружия

били палками и камнями, кололи вилами, потрошили серпами и косами», – сообщалось в одном из документов¹⁰⁷.

Мародерство проявлялось с обеих сторон. По мнению А.Н. Куропаткина, «надо тяжело наказать киргиз, но сурово прекратить и самосуд русских, иначе правильная жизнь не восстановится»¹⁰⁸. Кроме того, как оказалось, туземное население не знало, что предполагается оплата их работы. Получив эти сведения, многие поменяли свое отношение к мобилизации¹⁰⁹.

Пржевальск, ожидавший со дня на день нападения, 11 августа был жителями забаррикадирован. Оборону города возглавлял уездный начальник полковник В.А. Иванов. В городе имелись лишь 42 человека караульной команды, 86 ружей находились на руках у жителей. Телеграфная связь города с внешним миром была прервана. 13 августа для руководства обороной города был организован военный совет из отставных генералов. В середине августа в город с каркаралинской ярмарки прибыл карательный отряд помощника Пржевальского уездного начальника ротмистра М.Э. Кравченко, что изменило соотношение сил.

Небезынтересно, что 12 августа на сторону мятежников в Семиречье перешел кавалер трех Георгиевских крестов унтер-офицер М. Власенко из отряда корнета Покровского.

13 августа в село Токмак прибыл карательный отряд пристава Токмакского района подьесаула И.В. Бакуревича (сотня, 70 нижних чинов пехоты, пулемет). 20 августа село атаковало скопище в 3000 киргизов. На следующий день 5000 нападавших рассеяли при помощи артиллерии. Их общие потери составили около 300 человек.

22 августа из Ташкента в Токмак прибыл сильный отряд подполковника А.И. Гейцига с артиллерией (две роты 737-й дружины государственного ополчения, сотня казаков, саперная, телеграфная и телефонная команды, две батареи, четыре пулемета, 50 дунган), окончательно разгромивший киргизов в этом районе. Войска Гейцига еще 9 августа были выдвинуты из Ташкента.

15 августа из Ташкента был направлен в Семиречье отряд подполковника Ф.П. Алатырцева в составе четырех стрелковых рот, сотни, 160 конных разведчиков, саперной команды, батареи и восьми пулеметов. Численность и состав отрядов постоянно менялись, поэтому в документах, относящихся к разным периодам, эти данные могут довольно сильно различаться.

Шесть суток длилась осада села Созоновка на северо-западном берегу Иссык-Куля, которое оборонял отряд корнета Покровского. 16 августа на выручку Покровского выступил отряд уральского казака, урядника П.А. Овчинникова. Созоновка была деблокирована, кольцо вокруг Пржевальска ослабло.

18 августа в Пржевальск из Джаркента по распоряжению военного губернатора прибыла сотня хорунжего Угринанова. Наконец, 27 августа в Пржевальск вступил отряд сотника Волкова. 2 сентября из Верного прибыл карательный отряд семиреченского войскового старшины П.В. Бычкова (150 казаков, 50 конных добровольцев, 170 нижних чинов джаркентской дружины, пулемет). Последний, «двигаясь из Верного по горам, навел на киргиз панический страх, заставивший их, бросая все, бежать... к китайской границе»¹¹⁰. Затем Бычков

был направлен в Синьцзян для розыска русских пленных и поимки главарей восстания в Семиречье Шабдановых.

Постепенное усиление правительственных войск в Семиречье способствовало подавлению восстания. В середине августа в Китай откочевали дунгане. Следом отправились киргизы, перешедшие границу в Кульджинском и Кашгарском районах. В Китай бежали не только участники восстания, но и киргизы, опасавшиеся мятежников или не желавшие участвовать в беспорядках¹¹¹. 17 августа Куропаткин на 17 тыс. человек сократил наряд мобилизуемых по Семиречью. Вскоре началась отправка рабочих, семьи отправляемых на работы обеспечивались порайонными комитетами.

Киргизы, уходившие в Китай из Пишпекского и Пржевальского уездов, как раз, наоборот, активно участвовали в восстании, везли с собой награбленное и уводили русских пленников. Преследовали мятежников казачьи части. Под тяжестью награбленного и в связи с трудностями перехода начался массовый падеж скота. В результате в Китае киргизы оказались в крайне тяжелом положении перед угрозой голода и эпидемий. Киргизы распродавали имущество и даже продавали своих детей.

Основная масса русских пленников была киргизами убита, не делалось исключений ни для женщин, ни для детей. Русскому консульству в Кашгаре в конце концов удалось спасти только 65 женщин¹¹².

Опрос освобожденных дал важные сведения. Драгоман (переводчик) консульства России в Кашгаре Т. Ф. Стефанович сообщил в МИД, что с начала июля среди киргизов началось брожение, вызванное нехваткой информации о предстоящей трудовой мобилизации. По его данным, в Китай к октябрю 1916 г. откочевало 100 - 120 тыс. человек¹¹³. По другим сведениям, откочевавших было намного меньше - около 50 тыс. человек¹¹⁴.

Условиями возвращения киргизов в Россию стали: выдача русских пленных и главарей восстания, сдача оружия и изъявление покорности. Однако пленные были перебиты, оружие отобрано китайцами или продано, главари скрылись. Единственное, что могли предложить ушедшие в Китай русским властям - изъявить покорность. Переход киргизов в Китай, как и ожидалось, повлек международные осложнения. Появление киргизов в китайских пределах сопровождалось грабежами и убийствами, что вызвало озабоченность китайских властей. Последние выдвинули России требование компенсировать убытки, понесенные их подданными в результате восстания¹¹⁵.

25 августа Туркестанский округ был переведен на военное положение¹¹⁶. Уже в 20-х числах августа беспорядки явно пошли на убыль. Еще происходили эксцессы и убийства русских жителей, но уже в меньших масштабах. Киргизы разграбили кольджатский пограничный пост между Джаркентом и Пржевальском, убили двух чиновников, двух лесников, угнали 50 000 баранов, предназначенных для армии¹¹⁷. Позднее баранов удалось вернуть¹¹⁸.

До 60 тыс. киргизов ушли на сырты (высокогорные плато), откуда их пытались выбить отряды правительственных войск. Оттесненные в горные районы, туземцы терпели голод, теряли скот и, как правило, сдавались.

27-28 августа хорунжий А.В. фон Берг в Пржевальском уезде с несколькими десятками казаков разбил скопище киргизов, уничтожив до 800 человек

и захватив много скота. По показаниям пленных, восставшими руководили турецкий генерал и два европейца¹¹⁹. 27 августа в бою на южном берегу Иссык-Куля киргизы под командованием Мурзака потеряли около 300 аскеров. На следующий день произошел бой в ущелье Чичкан, где потери киргизов составили 400 убитых.

31 августа 3-я сотня сотника Носаева с боем переправилась через реку Нарын в Пржевальском уезде. Сотне противостояло около 500 аскеров под командованием Чулама, в панике бежавших от казаков. В горных районах Джаркентского уезда действовал отряд хорунжего Угринанова, уничтоживший несколько сотен киргизов.

Отряд прапорщика Бойко уничтожил свыше 1000 мятежников. Отряд капитана фон Бурзи (три стрелковых роты, 80 конных разведчиков, саперная команда, два горных орудия, шесть пулеметов) с 23 августа из Скобелева через Андижан и Джалал-Абад двинулся на Нарын, куда прибыл 28 августа, ликвидируя по пути очаги восстания. Навстречу этому отряду из Семиречья в свою очередь также были двинуты правительственные войска.

Из Термеза на Сергиополь - Семипалатинск - Оренбург был направлен отряд полковника Виноградова (546-я дружина государственного ополчения, четыре роты, 28 конных разведчиков, восемь пулеметов). Из Термеза на Лепсинск был двинут отряд полковника Соснина (240 нижних чинов, восемь пулеметов). Из Скобелева на Нарын выступил отряд полковника Селезнева (734-я дружина государственного ополчения, восемь пулеметов). Из Самарканда на Пишпек отправлен отряд подполковника Городецкого (243 нижних чина, восемь пулеметов). Из Кульджи предполагалось направить сотню конвоя российского консульства.

Всего при подавлениях в Пишпекском и Пржевальском уездах были убиты около 3000 киргизов. Во всем Семиречье, по некоторым данным, погибли порядка 4000 представителей коренного населения, еще около 12 тыс. погибли при бегстве в Китай, в том числе утонувшими и погибшими от огня китайских пограничников¹²⁰. До 164 тыс. человек бежали в Китай¹²¹, часть вернулась, к маю 1917 г. там оставались около 70 тыс. беженцев.

В Пржевальском уезде в начале сентября еще происходили убийства одиночных русских¹²². В Лепсинском уезде порядок наводили казаки 6-й ополченческой сотни Семиреченского казачьего войска под командованием штабс-ротмистра Маслова. В Верненском уезде действовал 22-й Туркестанский стрелковый полк¹²³. Казаки станицы Николаевской под командованием станичного атамана Бедарева в районе села Преображенского уничтожили около 90 киргизов. Отряд хорунжего Александрова осуществил жестокое усмирение Ботпаевской волости Верненского уезда - было истреблено несколько аулов, сожжены стойбища, угнан скот. В результате волость полностью подчинилась. 18 сентября в ущелье Тон произошел семичасовой бой отряда войскового старшины П.В. Бычкова с аскерами, последние потеряли 150 человек.

Нагрузка, ложившаяся на войска, была чрезвычайной. Сопrotивление организованные воинские части могли легко сломить, однако сложность заключалась в огромных расстояниях, которые войска должны были преодолевать в тяжелых климатических условиях региона. К примеру, 3-я Оренбургская казачья батарея за 108 дней сделала переход в 1591 версту. Батарея походным

порядком в качестве карательного отряда прошла через населенные пункты: Арказыкский, пикеты Джуртинский, Казылмухлинский, Узунбуханский, Алтык-Калатский, город Сергиополь, пикет Нижний Нарын, села Бессарабское, Благодатное, станицу Урджарскую, села Рыбачье, Степановское, Андреевское, город Лепсинск, село Тополевское, станицу Саркандскую, село Абакумовское, пикет Ражанский, город Копал, село Гавриловское, станицу Карабулакскую, поселок Царицинский, село Голубинское, станицу Куян-Гуз, Карачек, поселки Илийский, Дмитриевский в город Верный, где с 31 октября по 16 декабря находилась на отдыхе. 16 декабря батарея двинулась дальше через станицу Любовинскую, села Казанско-Богородское, Тарган, станицу Отар, Курдай, Сюгаты, город Пишпек, село Беловодское, Чалдовар, Мерке, Луговое, пикеты Акыр-Тюбе, Ак-Чулак в город Аулие-Ата, куда прибыла 31 декабря 1916 г.¹²⁴

К середине сентября в Семиречье находились следующие силы. Постоянно квартировали Верненская, Джаркентская и Копальская дружины, 3-й Семиреченский казачий полк, четыре запасных и четыре ополченческих казачьих сотни. Для подавления были направлены: 240-я Симбирская, 243-я Самарская, 734-я Саратовская дружины государственного ополчения при восьми пулеметах каждая; две роты 737-й Симбирской дружины при четырех пулеметах; по две роты 1-го и 2-го Сибирских запасных полков со 160 конными разведчиками при восьми пулеметах; три роты 3-го Сибирского запасного полка с 80 конными разведчиками при шести пулеметах; 25-я, 26-я и 27-я легкие четырехорудийные батареи; два орудия 20-й конно-горной батареи; две сотни 6-го и сотня 4-го Оренбургских казачьих полков; две саперных команды; телеграфная и телефонная команды. Из действующей армии высланы 7-й Оренбургский и 9-й Сибирский казачьи полки с двумя пулеметными командами Кольта, 3-я Оренбургская казачья батарея¹²⁵. Постепенно в регионе удалось навести порядок.

16 октября по итогам подавления восстания в Семиречье Куропаткин провел совещание, на котором было принято решение о выселении киргизов из Пишпекского и Пржевальского уездов, в которых более всего пострадало русское население, и образовании в связи с этим Нарынского уезда. Такое решение было обусловлено общим замыслом Куропаткина выселить туземцев с территорий, на которых пролилась русская кровь. Речь шла, прежде всего, о районе озера Иссык-Куль, Пржевальском уезде, части Чуйской долины Пишпекского уезда, долинах рек Кебень, Текес и Чалкуды-су Джаркентского уезда. Пржевальский уезд намечалось заселить исключительно русским населением¹²⁶. Предполагалось изменить границы уездов и образовать в трудной для земледелия и скотоводства местности Нарынский уезд, куда в наказание переселить 15 волостей из Пишпекского уезда (порядка 80 тыс. человек)¹²⁷. Впрочем, эта мера в связи с революцией осуществлена не была. Весной 1917 г. киргизы стали возвращаться на прежние места жительства, чем вызвали недовольство и опасения русского населения¹²⁸.

17 октября Куропаткин телеграфировал в департамент полиции, что в Семиреченской области «сопротивление мятежных киргиз можно признать сломленным, кроме Пржевальского и южных частей Пишпекского и Джаркентского уездов. Наши отряды уже действуют [в] направлении [к] погранич-

ным перевалам. [По] имеющимся сведениям до двадцати пяти волостей перешли [в] пределы Китая, каждую волость можно [в] среднем считать до трех тысяч душ мужского пола. С началом киргизского мятежа до подхода подкреплений можно было опасаться полного разгрома всего русского населения Семиречья. Принятыми семиреченским военным губернатором энергичными мерами удалось отстоять при относительно малых жертвах население Пишпекского и Верненского уездов и сдержать от восстания население уездов Копальского и Лепсинского. Защитить своевременно русское население Пржевальского уезда не было сил, и население этого уезда сильно пострадало. Зверски убито [в] этом уезде русских до двух тысяч, в подавляющем большинстве мужчин, уведено [в] плен и без вести пропало около одной тысячи, преимущественно женщин. Сожжено 1300 усадеб, разграблено около 1000 усадеб. Город Пржевальск отстояли, и он уцелел¹²⁹. Для обеспечения безопасности требовалось вооружить русское население.

По мнению Куропаткина, «войска действуют самоотверженно. Без кадров, без организации, с случайными перевозочными средствами переваливают снеговые горы, делают по равнине до 70 верст в сутки. Затрудняется усмирение огромными пространствами, разбросанностью, беззащитностью селений с русским населением»¹³⁰.

Экономическое благосостояние русского населения региона оказалось подорвано, уничтожено 15 тыс. десятин пашни на сумму 20 724 087 руб.¹³¹ В одном только Токмакском районе убиты 72 русских поселенца, ранены 12, без вести пропали 65, сожжено 600 домов, 356 заимок, уничтожено 12 тыс. десятин полевых, общая сумма убытков составила около 500 тыс. руб.¹³²

Относительно общего размера убытков, понесенных русским населением, имеются следующие данные. Общая сумма заявленного русским населением материального ущерба по Верненскому, Джаркентскому, Пишпекскому и Пржевальскому уездам составила 30 995 424 руб., включая 20 401 889 руб. по Пржевальскому уезду, 7 006 224 руб. по Пишпекскому уезду, 3 381 489 руб. по Джаркентскому уезду и 205 822 руб. по Верненскому уезду¹³³. В Верненском уезде пострадали, в основном, переселенцы (заявили об убытках 506 хозяев-переселенцев и один хозяин-казак). В Джаркентском уезде пострадали 354 хозяйства переселенцев, 302 хозяйства казаков и 17 хозяйств разночинцев. В Пишпекском уезде пострадали 1660 хозяйств переселенцев, 1253 хозяйства старожилов, 138 хозяйств казаков, 46 хозяйств разночинцев. В Пржевальском уезде пострадали 2728 переселенческих хозяйств, 2013 хозяйств старожилов, 115 казачьих хозяйств и 856 хозяйств разночинцев. В Пржевальском уезде было сожжено 1586 дворов, в Пишпекском - 465, в Джаркентском - 264. Только в Пржевальском уезде пострадали 6024 семьи переселенцев¹³⁴.

Предпринимались меры по материальной и продовольственной помощи оказавшимся в бедственном положении на территории Китая киргизам¹³⁵. Временное правительство, продолжая в этом вопросе линию императорского правительства (выделявшего на эти нужды кредит в 50 тыс. руб.), осуществляло материальную помощь пострадавшим. Для поддержки возвращавшихся из Китая киргизов ассигновалось 5 млн руб., для помощи пострадавшему русскому населению Семиречья - 6 млн 150 тыс. руб.¹³⁶

Кровь, пролитая в Семиречье летом 1916 г., не забылась. Весной 1917 г. в Пржевальском уезде ощущалась напряженность в связи с возвращением киргизов и предложениями властей примириться с ними. В докладной записке депутатов уезда главе Временного правительства отмечалось: «Не может население простить киргизам выкалывание глаз, вырезывание языков, убийство невинных людей, насилдование женщин, девушек и даже девочек. Не может оно простить киргиз – виновников полного разорения... Примирение необходимо, так как жизнь даже сейчас в Пржевальском уезде нестерпима и ужасна. Ни один киргиз не смеет показаться без охраны в населенных русскими местах, но и горе русскому крестьянину, захавшему далеко в лес. Недавно еще, 11 марта сего года, киргизы убили 3 солдат, уехавших в горы на разведку. Русские бьют единичных киргиз почти ежедневно. Это обстоятельство, очевидно, неизвестно правительству, но это ужасный факт»¹³⁷.

В 1917-1920 гг. в регионе развернулась кровопролитная Гражданская война со своими специфическими особенностями. Здесь определяющим стало не политическое противостояние, а этноконфессиональное и сословное¹³⁸. Бывшие переселенцы, в основном, поддержали красных; казаки и киргизы выступили на стороне белых.

* * *

С 18 сентября по 18 декабря 1916 г. из Туркестана было отправлено 92 423 рабочих, кроме того, 9500 человек направлено непосредственно на работы в Средней Азии. Таким образом, было мобилизовано около 100 тыс. рабочих, или половина от запланированного количества.

Общие потери армии и полиции в Туркестане (включая Астрабадскую провинцию Персии, где также происходили подавления) были следующими (звездочкой обозначены офицеры):

Область	Убиты	Ранены	Пропали без вести
Ферганская	-	1*; 6	-
Сырдарьинская	1	1	-
Самаркандская	2*; 3	2	-
Семиреченская	4*; 52	41	75
Закаспийская	6	5	-
Астрабадская провинция Персии	1*; 17	2*; 9	2
Итого	7*; 79	3*; 64	77

Всего к 1 января 1917 г. погибли семь офицеров и 79 нижних чинов, ранены три офицера и 64 нижних чина и числились пропавшими без вести 77 человек. К 25 января 1917 г. потери составляли 97 убитых, 86 раненых и 76 пропавших без вести¹³⁹. Для сравнения: при покорении Туркестана в XIX в. русская армия потеряла в Семиреченской области 105 человек, в Сырдарьинской области с Амударьинским отделом – 744 человека, в Ферганской области – 134 человека, в Самаркандской области – 811 человек и в Закаспийской области 1582 человека. Всего – 3376 человек.

Потери русской и туземной администрации были следующими:

Область	Убитых из русской администрации	Убитых из туземной администрации
Ферганская	1	34
Сырдарьинская	1	7
Самаркандская	3	-
Семиреченская	14	12
Закаспийская	1	-
Итого:	20	53

Потери русского населения выразились в следующих цифрах:

Область	Убиты	Ранены
Ферганская	1	2
Сырдарьинская	45	1
Самаркандская	73	-
Семиреченская	2325 убиты, 1384 пропали без вести	?
Закаспийская	?	?
Итого:	3828	?

Наиболее сильно русское население пострадало в Семиречье, где было мало войск. Наименее сильно там, где почти не было русского населения - в Степном крае. Эти реалии позволили советским историкам цинично называть движение в Степном крае прогрессивным, а выступления в Средней Азии реакционными. На самом деле антирусский характер восстания был повсюду одинаков. В некоторых районах к нему примешивался религиозный фанатизм мусульманского населения.

Точные общие данные о потерях коренного населения Туркестана неизвестны. Если же говорить о Семиречье, то потери киргизов и русского населения оказались сопоставимы. Об избыточной жестокости при подавлении беспорядков говорить не приходится - действия властей были адекватны угрозе. Тем более что речь шла о военном времени.

В результате событий в Туркестане оказались разорены свыше 9 тыс. хозяйств, уничтожено несколько храмов и больниц. Для усмирения использовались 14,5 батальона, 33 сотни, 42 орудия и 69 пулеметов. Боевые действия велись в период с 13 июля 1916 г. по 25 января 1917 г.

К февралю 1917 г. на тыловые работы отправились примерно 123 тыс. человек. 14 марта направление инородческого населения на тыловые работы было по решению Временного правительства приостановлено¹⁴⁰, а 5 мая постановили вернуть всех мобилизованных на работы домой¹⁴¹.

К 20 декабря 1916 г. за участие в мятеже на территории Туркестана к смертной казни был приговорен 201 человек. Всего к 1 февраля 1917 г. к смертной казни за участие в мятеже в Туркестане было приговорено 347 человек. Впрочем, в связи со смягчением наказания казни подвергся 51 человек. 22 февраля 1917 г. Куропаткин писал Николаю II: «Считая, что главными виновниками являются главари и туземцы, непосредственное участие которых в убийстве русских людей доказано, я признал возможным смягчить наказания для темной массы виновных»¹⁴². Из 347 смертных приговоров Куропаткин утвердил 32¹⁴³.

Куропаткин в марте 1917 г. ходатайствовал перед новой властью о смягчении участи последственных, поскольку «во многих случаях совершенные при описанных обстоятельствах преступления являются результатом неразумия и невежества темных народных масс, что самые преступления иногда не влекли¹⁴⁴ за собою важных последствий, что уголовная кара застигает их теперь нередко в период искреннего и глубокого раскаяния в содеянном и что устранение этой кары и прекращение производством части этих дел содействовало бы устранению розни между отдельными частями населения и дружной совместной работе их на пользу государства»¹⁴⁵. Русских последственных по делам о беспорядках в Туркестане амнистия не коснулась, затронув только инородческое население¹⁴⁶. Куропаткин просил амнистировать и их.

От рук повстанцев больше всего страдали простые люди, в особенности те, от кого туземцы видели только добро – врачи, учителя. В выступлении на стороне повстанцев за исключением небольшого числа перебежчиков, которое можно пересчитать по пальцам, русские участия не принимали, что подтверждает тезис об антирусском и националистическом характере восстания. Пржевальский уезд, где киргизами была устроена настоящая резня русских, предполагалось очистить от кочевников.

Для спасения мирного гражданского населения, на долю которого выпали неопишемые зверства, необходимы были быстрые и решительные карательные меры по отношению к восставшим. Местное население ценило и боялось только силы. Такая сила была применена, закономерно вызвав истерику в либеральном и социалистическом лагере. При этом войска старались не допускать жестокостей, по-настоящему жестокими были лишь ответные действия озлобившегося местного русского населения в Семиречье, которое занялось прямым уничтожением туземного населения.

Депутат от Саратовской губернии А.Ф. Керенский, посетивший летом 1916 г. Туркестан, и другие депутаты 4-й Государственной думы с думской трибуны в конце 1916 г. трубили о суровости карательных мер. Керенский заявлял, что «при обнародовании и проведении в жизнь одного только высочайшего повеления от 25 июля были нарушены все, какие только можно было нарушить основные и не основные законы Российской империи»¹⁴⁷. Примерно такой же по своей направленности была речь представителя мусульманской фракции депутата М.-Ю.Г. оглы Джафарова. Оба они умолчали о беспрецедентных зверствах в отношении русского населения.

Именно думцы (в частности, представитель либеральной оппозиции А.И. Шингарев) во время «штурма власти» летом 1915 г. выступали за распространение призыва на мусульманское население. Вспоминается знаменитая

фраза П.Н. Милюкова, брошенная им с думской трибуны 1 ноября 1916 г., правда, в адрес верховной власти – «глупость это или измена»? Очевидно, подобный вопрос мог быть адресован и самим представителям либерального лагеря. Скорее всего, это была именно глупость, обусловленная стремлением либералов во что бы то ни стало прийти к власти и страхом перед тем, что империя победит в войне без них, а власть в результате этой победы лишь окрепнет.

В ответ на заявления Керенского, не для печати, самаркандский военный губернатор генерал-майор Н.С. Лыкошин в декабре 1916 г. сообщал по инстанции, что «мнение это ошибочно, так как сколь суровы ни были карательные меры, принятые для подавления мятежа, они никоим образом не могли идти в сравнение с теми жестокостями, какие позволяли себе озверевшие мятежники над многочисленными погибшими от их рук русскими людьми, беззащитными женщинами и детьми. Только суровые и беспощадные меры, принятые весьма быстро и могли подействовать на воображение туземцев, совершенно потерявших голову и вообразивших себя уже хозяевами положения»¹⁴⁸.

Куропаткин телеграфировал в октябре 1916 г. министру внутренних дел: «Долгим опытом службы в Туркестане пришел к заключению, что главнейшими началами в деятельности правительственной власти по отношению к туземцам должны служить: полная определенность и устойчивость требований, твердость власти, соединенная с[о] справедливостью и отеческою заботливостью. Надо добиваться, чтобы нас боялись и уважали. Полюбят после»¹⁴⁹.

Русская армия сравнительно легко подавила восстание. Даже силами отдельных разъездов первыми выстрелами удавалось рассеивать огромные скопища аскеров. Тем не менее местных сил оказалось недостаточно, и командованию для его подавления пришлось снять целый ряд частей с фронта, что, разумеется, было на руку противникам России.

Эффективность подавления обусловлена многими факторами. Прежде всего, отряды киргизов не могли противостоять регулярным войскам, пусть и состоящим, в значительной степени, из запасных солдат. Подавление носило организованный и скоординированный характер. Ликвидации беспорядков способствовало наличие в охваченных ими районах подконтрольной властям железной дороги, позволявшей быстро перебрасывать войска и снабжать их всем необходимым. Большое впечатление на мятежников производило применение артиллерии и пулеметов. Кстати, при подавлении мятежа успешно использовались грузовые автомобили, с установленными на них пулеметами. К слову сказать, подобная техника и в наши дни успешно применяется в борьбе с повстанческим движением¹⁵⁰.

Значительный вклад в подавление восстания внесли казачьи войска. Одно только Оренбургское казачье войско выставило 4-й, 5-й, 6-й, 7-й и 13-й казачьи полки, 2-ю отдельную, 34-ю и 35-ю особые казачьи сотни (последние две сформированы в октябре-ноябре 1916 г.¹⁵¹), 1-ю, 2-ю и 5-ю запасные казачьи сотни, 3-ю Оренбургскую казачью и Оренбургскую казачью запасную батареи. Итого пять полков, шесть сотен и две батареи.

Во главе восстания стояла туземная феодальная знать (ханы, беки, маналы) и духовенство. После 1917 г. многие вожаки повстанцев стали видными большевистскими деятелями, впрочем, отдельные руководители восстания

приняли участие в Гражданской войне и на стороне белых. Можно лишь добавить, что события 1916 г. в некоторой степени предопределили дальнейший расклад сил в регионе. В частности, именно они подготовили почву для возникновения и широкого распространения такого явления как басмачество.

По всей видимости, немцы и турки также сыграли некоторую, хотя и незначительную, роль в организации этого выступления. Есть целый ряд свидетельств на этот счет из разных частей Туркестана, которые нельзя приписывать одной лишь шпиономании, хотя и она, несомненно, имела место. Агенты противника действовали с территории Китая, Афганистана и Персии. Кроме того, австро-германских агентов (скорее всего, из числа военнопленных) задерживали в 1916 г. и в самом Туркестане¹⁵².

Наивно полагать, что события 1916 г. были национально-освободительным восстанием. Выступления носили во многом стихийный характер. Руководители восстания не имели никакой программы, не ставили перед собой задачу создания своей государственности. Главными лозунгами стали борьба против мобилизации и против русских (неверных) вообще. Национальная интеллигенция вынашивала идеи автономизма или даже сепаратизма, в какой-то степени реализованные в период Гражданской войны, однако она была мизерной по своей численности и почти не имела отношения к руководству восстанием.

Национально-освободительное движение для одних – это почти всегда уничтожение или преследование других. Только осознание себя частью большого единого целого для народов Туркестана и Степного края являлось государственнической позицией и соответствовало интересам России. В 1916 г. такое мироощущение отсутствовало. Немалая вина за это лежала не только на коренном населении, но и на русской администрации и переселенцах. В советский период для привития подобного «правильного» взгляда было сделано немало, однако последующие события также продемонстрировали, что такая самоидентификация являлась лишь внешней.

Принципиально важный для многонациональных государств национальный вопрос всегда являлся одним из сложнейших, вызывавших во все времена наиболее острые противоречия, часто приводивших к кровопролитию. Разрешение межнациональных конфликтов – процесс взаимный, а не односторонний. Немалую роль в нем играет не только поощряющая или карающая рука центра, но и заинтересованность самих народов в укреплении общего государства, ответственность за свои действия. Уроки 1916 г. не должны быть забыты сегодня, тем более что трагические события того времени продолжают сохранять свою тревожную актуальность.

¹ Публикация подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта № 14-31-01258а2 «Русский офицерский корпус на изломе эпох (1914-1922 гг.)».

² *Турсунов Х.Т.* Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1962.

³ Напр.: *Кузембайұлы А., Эбіл Е.* История Республики Казахстан. Учебник для вузов. Астана, 2001. С. 268-275.

⁴ *Бройдо Г.И.* Восстание киргиз в 1916 г. (Мое показание прокурору Ташкентской судебной палаты, данное 3-го сентября 1916 г.). М., 1925. С. 2.

- ⁵ Галузо П.Г., Божко Ф. Восстание [19]16 года: Сб. ст. М.-Ташкент, 1932. С. 3.
- ⁶ Кагельская З.Д. Основные предпосылки восстания 1916 года в Узбекистане. М., 1972. С. 41.
- ⁷ Восстание 1916 года в Киргизстане. Док. и мат., собранные Л.В. Лесной. М., 1937.
- ⁸ Турсунов Х.Т. Указ. соч. С. 18.
- ⁹ Усенбаев К.У. Восстание 1916 года в Киргизии. Фрунзе, 1967. С. 288.
- ¹⁰ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане Сб. док. М., 1960.
- ¹¹ Такие монографии почти одновременно были выпущены в каждой из среднеазиатских республик СССР (Иноятов Х.Ш. Ответ фальсификаторам истории Советской Средней Азии и Казахстана. Ташкент, 1962; Кишибеков Д.К. Клеветники и фальсификаторы истории народов Советского Казахстана. Алма-Ата, 1961; Новоселов К.Н. Против буржуазных фальсификаторов истории Средней Азии. Ашхабад, 1962; Рзаев Д.А. О фальсификаторах истории Советской Средней Азии. Фрунзе, 1962; Турсунбаев А.Б. Против буржуазной фальсификации истории Казахстана. Алма-Ата, 1963).
- ¹² См., напр.: Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008. С. 287-291.
- ¹³ Булдаков В.П. Имперские этнофобии // Родина. 1995. № 7. С. 23.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Булдаков В.П. Бунт // Родина. 2004. № 11. С. 68.
- ¹⁶ Смирнов А.А. «Свои» и «чужие» // Родина. 1995. № 7. С. 26.
- ¹⁷ Мендикулова Г.М. Исторические судьбы казахской диаспоры. Происхождение и развитие. Алматы, 1997. С. 85.
- ¹⁸ Этой задаче отвечает новейшая публикация образов архивных документов по этой теме: «События в Семиречье 1916 года по документам российских архивов» (<http://semirechye.rusarchives.ru>).
- ¹⁹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 660. Л. 1.
- ²⁰ В Российской империи киргизами именовали современных казахов и некоторые другие народы Туркестана и Степного края. В статье этот этноним употребляется в его современном значении. Кроме того, во многих документах 1916-1917 гг. современных киргизов именовали кара-киргизами.
- ²¹ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Консульство в Кашгаре. Оп. 630. Д. 28. Л. 3.
- ²² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1933а. Л. 483.
- ²³ РГИА. Ф. 1405. Оп. 530. Д. 956. Л. 57.
- ²⁴ РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1557. Л. 1.
- ²⁵ Глущенко Е.А. Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования. М., 2010. С. 373.
- ²⁶ Глущенко Е.А. Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования. М., 2010. С. 544.
- ²⁷ Статистический ежегодник России. 1916 г. (год тринадцатый). Вып. 1. М., 1918. С. 46.
- ²⁸ Там же. С. 60.
- ²⁹ АВПРИ. Ф. Среднеазиатский стол. Оп. 486. Д. 340б. С. 1.
- ³⁰ РГИА. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1933. Л. 1.
- ³¹ История Казахстана. Хрестоматия. Алматы, 1994. С. 36-37.
- ³² Казахи войска Азиатской России в XVIII - начале XX века (Астраханское, Оренбургское, Сибирское, Семиреченское, Уральское): Сб. док. М., 2000. С. 397.
- ³³ Hopkins P. Like hidden fire. The Plot to Bring Down the British Empire. N.Y.-Tokyo-L., 1994. P. 217.
- ³⁴ Тихонов Ю.Н. Афганская война Сталина. Битва за Центральную Азию. М., 2008. С. 32.
- ³⁵ Восстание 1916 года в Киргизстане: Док. и мат. М., 1937. С. 19-20; Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. С. 50.
- ³⁶ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. С. 28-29.

- ³⁷ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2003. Оп. 2. Д. 734. Л. 12.
- ³⁸ Восстание 1916 года в Киргизстане. С. 20.
- ³⁹ К истории восстания киргиз в 1916 г. // Красный архив. Исторический журнал (М.-Л.). 1926. № 3 (16). С. 62.
- ⁴⁰ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4546. Ч. 1. Л. 59-59об.
- ⁴¹ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. С. 42.
- ⁴² РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4546. Ч. 1. Л. 59-59об., 125.
- ⁴³ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 3. Д. 549. Л. 577.
- ⁴⁴ Подробнее о ситуации в разных регионах см.: Ганин А.В. Последняя полуденная экспедиция Императорской России: Русская армия на подавлении туркестанского мятежа 1916-1917 гг. // Русский сборник. Исследования по истории России. Ред.-сост. О.Р. Айрапетов, М. Йованович, М.А. Колеров, Б. Меннинг. Т. 5. М., 2008. С. 152-214.
- ⁴⁵ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 3. Д. 549. Л. 576.
- ⁴⁶ Галузо П.Г. Вооружение русских переселенцев в Средней Азии (исторический очерк). Ташкент, 1926. С. 65.
- ⁴⁷ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4546. Ч. 1. Л. 206.
- ⁴⁸ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 2464. Л. 74об.
- ⁴⁹ Там же. Л. 74.
- ⁵⁰ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4521. Л. 40об.
- ⁵¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 2463. Л. 389.
- ⁵² РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4521. Л. 28-28об.
- ⁵³ Там же. Л. 29.
- ⁵⁴ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4546. Ч. 1. Л. 236.
- ⁵⁵ Там же. Л. 233
- ⁵⁶ Там же. Л. 232, 233.
- ⁵⁷ Там же. Л. 252.
- ⁵⁸ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 2464. Л. 78.
- ⁵⁹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4546. Ч. 1. Л. 231.
- ⁶⁰ Восстание 1916 года в Киргизстане. С. 28.
- ⁶¹ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 3. Д. 549. Л. 194об.
- ⁶² РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4546. Ч. 1. Л. 253, 257.
- ⁶³ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4548. Л. 3; Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. С. 89, 347.
- ⁶⁴ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4546. Ч. 1. Л. 261.
- ⁶⁵ Там же. Л. 245.
- ⁶⁶ Там же. Л. 247-247об., 258; АВПРИ. Ф. Среднеазиатский стол. Оп. 486. Д. 247. Л. 28.
- ⁶⁷ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 2419. Л. 179-179об.
- ⁶⁸ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4546. Ч. 1. Л. 255об.
- ⁶⁹ Там же. Л. 268.
- ⁷⁰ Там же. Л. 251об.; Ф. 1396. Оп. 2. Д. 2419. Л. 179-179об.
- ⁷¹ РГИА. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1933. Л. 244.
- ⁷² Там же. Л. 426об.
- ⁷³ АВПРИ. Ф. Консульство в Кашгаре. Оп. 630. Д. 28. Л. 7.
- ⁷⁴ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4546. Ч. 1. Л. 251.
- ⁷⁵ АВПРИ. Ф. Среднеазиатский стол. Оп. 486. Д. 340. Л. 39.
- ⁷⁶ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4546. Ч. 1. Л. 252, 283.
- ⁷⁷ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4546. Ч. 1. Л. 283об.

- ⁷⁸ Там же. Л. 253.
- ⁷⁹ Там же. Л. 266.
- ⁸⁰ Там же. Л. 255.
- ⁸¹ РГИА. Ф. 1289. Оп. 12. Д. 834. Л. 104.
- ⁸² Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. С. 90; *Джунушалиев Д.* В эпицентре восстания // Восстание 1916 года в Кыргызстане: Сб. материалов научной конференции, посвященной 75-летию восстания. Бишкек, 1993. С. 46.
- ⁸³ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2767. Л. 54.
- ⁸⁴ Восстание 1916 года в Средней Азии: Сб. док. Ташкент, 1932. С. 150.
- ⁸⁵ Восстание 1916 года в Киргизстане. С. 38.
- ⁸⁶ Там же. С. 42.
- ⁸⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2767. Л. 53-53об.
- ⁸⁸ *Nazaroff P.* Hunted Through Central Asia. N.Y.-Oxford, 2002. P. 168.
- ⁸⁹ Здесь и далее - подчеркнуто в документе.
- ⁹⁰ РГИА. Ф. 426. Оп. 3. Д. 205. Л. 13.
- ⁹¹ К истории восстания киргиз в 1916 г. // Красный архив. 1926. № 3 (16). С. 73.
- ⁹² ГА РФ. Ф. 1807. Оп. 1. Д. 296. Л. 78об.
- ⁹³ По другим документам - жена и двое сыновей (АВПРИ. Ф. Консульство в Кашгаре. Оп. 630. Д. 28. Л. 31).
- ⁹⁴ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4546. Ч. 1. Л. 309об.
- ⁹⁵ Там же. Л. 348.
- ⁹⁶ РГИА. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1933. Л. 251.
- ⁹⁷ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. С. 346.
- ⁹⁸ РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1968. Л. 65об.-67.
- ⁹⁹ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. С. 337.
- ¹⁰⁰ *Сулейменов Б.С., Басин В.Я.* Восстание 1916 года в Казахстане (причины, характер, движущие силы). Алма-Ата, 1977. С. 90.
- ¹⁰¹ Временный главный начальник Туркестанского края Ф.В. Мартсон, помощник, затем и.д. военного губернатора Сырдарьинской области С.А. Геппелер, помощник военного губернатора Самаркандской области П.О. Папенгут, военный губернатор Семиреченской области М.А. Фольбаум, военный губернатор Ферганской области А.И. Гиппиус, начальник Туркестанской местной бригады С.А. фон Цур-Миллен.
- ¹⁰² РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4546. Ч. 1. Л. 257.
- ¹⁰³ Там же. Л. 283.
- ¹⁰⁴ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. С. 386.
- ¹⁰⁵ ГА РФ. Ф. 124. Оп. 42. Д. 51. Л. 1-1об.; *Nazaroff P.* Op. cit. P. 149.
- ¹⁰⁶ Восстание 1916 года в Киргизстане. С. 43.
- ¹⁰⁷ Там же. С. 44.
- ¹⁰⁸ Восстание 1916 г. в Средней Азии // Красный архив. 1929. № 3 (34). С. 60.
- ¹⁰⁹ РГИА. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1933. Л. 271.
- ¹¹⁰ Восстание 1916 года в Киргизстане. С. 40.
- ¹¹¹ АВПРИ. Ф. Консульство в Кашгаре. Оп. 630. Д. 28. Л. 8.
- ¹¹² Там же. Л. 10.
- ¹¹³ Там же. Л. 8.
- ¹¹⁴ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4639. Л. 18.
- ¹¹⁵ АВПРИ. Ф. Консульство в Кашгаре. Оп. 630. Д. 28. Л. 22.

¹¹⁶ РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1554. Л. 1.

¹¹⁷ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4546. Ч. 1. Л. 268.

¹¹⁸ Там же. Л. 277.

¹¹⁹ Восстание 1916 года в Киргизстане. С. 51.

¹²⁰ Джунушалиев Д. Указ. соч. С. 46.

¹²¹ В литературе приводятся иногда далекие от документально зафиксированных цифры в 300 тыс. беженцев и более (напр.: Центральная Азия в составе Российской Империи. М., 2008. С. 290).

¹²² РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4546. Ч. 1. Л. 305.

¹²³ Чеканинский И. Указ. соч. С. 8.

¹²⁴ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 53. Л. 330б.

¹²⁵ РГИА. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1933. Л. 314-314об.

¹²⁶ РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 43. Л. 5.

¹²⁷ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4548. Л. 45.

¹²⁸ Там же. Л. 68.

¹²⁹ ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 764. Л. 13. Подчеркнуто в документе.

¹³⁰ Восстание 1916 г. в Средней Азии // Красный архив. 1929. № 3 (34). С. 50.

¹³¹ Чеканинский И.А. Восстание киргиз-казаков и кара-киргиз в Джетысуйском (Семиреченском) крае в июле-сентябре 1916 года. Кзыл-Орда, 1926. С. 25.

¹³² Восстание 1916 года в Киргизстане. С. 75.

¹³³ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4639. Л. 93.

¹³⁴ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4548. Л. 3.

¹³⁵ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4639. Л. 33-35.

¹³⁶ Там же. Л. 108об.

¹³⁷ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4548. Л. 81.

¹³⁸ Рышков В.М. Гражданская война в Семиречье: причины и последствия в зеркале антибольшевистских документов // Стенной край Евразии: историко-культурные взаимодействия и современность: Тезисы докладов и сообщений III научной конференции. Астана – Омск – Томск, 2003. С. 127.

¹³⁹ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. С. 97.

¹⁴⁰ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4543. Л. 123.

¹⁴¹ Там же. Л. 134.

¹⁴² Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. С. 98.

¹⁴³ РГИА. Ф. 1405. Оп. 530. Д. 1068. Л. 23.

¹⁴⁴ В документе, видимо, ошибочно – навлекли.

¹⁴⁵ РГИА. Ф. 1405. Оп. 530. Д. 1068. Л. 28-29.

¹⁴⁶ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4548. Л. 42.

¹⁴⁷ Восстание 1916 года в Средней Азии. Сб. док. Ташкент, 1932. С. 107.

¹⁴⁸ Там же. С. 30.

¹⁴⁹ Восстание 1916 г. в Средней Азии // Красный архив. 1929. № 3 (34). С. 57.

¹⁵⁰ См., напр.: Алов А.Н., Белогруд В.В., Зайцев А.Н. «Батяня», «Бизон», «Маруся» и другие // ВоенКом: Военный Комментатор (Екатеринбург). 2005. № 1 (6). С. 116-131.

¹⁵¹ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 1. Д. 81. Л. 113.

¹⁵² Турсунов Х.Т. Указ. соч. С. 81.

~~~~~

ГАНИН АНДРЕЙ ВЛАДИСЛАВОВИЧ – д-р.ист.н., ведущий научный сотрудник Отдела истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения РАН.